

**Кушелев-Безбородко Григорий
Александрович**

**Очерки, рассказы и путевые
заметки графа Г.А. Кушелева-
Безбородко**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Александрович К.**
Очерки, рассказы и путевые заметки графа Г.А. Кушелева-Безбородко: Том 2 / Кушелев-Безбородко Григорий Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 435 с.

ISBN 978-5-519-92055-1

ISBN 978-5-519-92055-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Какъ ни говорятъ о практичности направле-
нія нашего вѣка, какъ ни доказываютъ все пре-
восходство этого матеріальнаго воззрѣнія на
жизнь и ни силятся отвергнуть окончательно и
пользу и необходимость поэтического элемента,
чисто духовной, нравственной стороны нашей
жизни, все же этотъ идеальный элементъ, эта
духовная сторона необходимы и неразрушимы
въ насъ, — безсознательно мы имъ предаемся,
безсознательно мы имъ вѣримъ, и часто, от-
вергая идеальныя стремленія изъ ложнаго убѣж-
денія, мы столь же, если еще не болѣе, по-
эты, чѣмъ наши предки.

Есть у меня сильное доказательство всему вы-
шесказанному. Вотъ оно:

Человѣкъ рѣдко, и во всякомъ случаѣ съ боль-

шимъ трудомъ, бываетъ вполне доволенъ своимъ настоящимъ, тѣмъ, что его окружаетъ, тѣмъ, чѣмъ онъ наслаждается въ данную минуту. Онъ почти всегда или ищетъ чего то въ своихъ воспоминаіяхъ, или предается планамъ, надеждамъ въ будущемъ. Отнимите у любого человѣка прошедшее и будущее — и человѣкъ, при самомъ счастливомъ положеніи, будетъ несчастливъ.

А гдѣ же положительность, если не въ настоящемъ, и гдѣ же поэзія, если не въ воспоминаіяхъ и не въ грезахъ, въ надеждахъ, сложенныхъ его умомъ и его сердцемъ?

Я только что пріѣхалъ изъ довольно долгаго путешествія, — проѣхалъ по всей Италіи; любовался тамъ и синимъ небомъ, такъ часто воспѣтымъ поэтами, и рощами апельсиновыхъ деревьевъ, которыя въ то время еще цвѣли. Я сидѣлъ въ тѣни этихъ деревьевъ, вдыхалъ съ восторгомъ ихъ чудный запахъ, съ любовью слѣдилъ, какъ синяя волна подымалась мѣрно въ морской дали, пѣнилась, клубилась и разсыпалась въ брызги; какъ другая за ней снова подымалась, снова росла и росла и снова разрушалась гармоническимъ аккордомъ у ногъ моихъ. Все это увлекало меня. Я невольно предавался мечтамъ; я наслаждался всею душою этою чудною, богатою природою, и,

казалось, въ это время никогда не покинуть бы роскошнаго, идеально чуднаго Сорренто. И чтожь? Въ то же время, мысли меня часто переносили совершенно въ другой міръ, я начиналъ жалѣть о сѣренькомъ небѣ своего роднаго уголка, о тѣнистой дубовой аллеѣ, въ которой я такъ часто гулялъ по нѣскольку часовъ; я вспоминалъ маленькій сонный прудокъ съ плакучею ивою, которая такъ скромно смотрится въ воду, — и находилъ въ этихъ воспоминаніяхъ бездну новыхъ красоть, которыя прежде отъ меня ускользали. Я забывалъ совершенно чудную природу юга, и развѣ въ забытьи рука, нечаянно уколотившись объ иглы выросшаго въ скважинѣ скалы кактуса, пробуждала меня.

Теперь, напротивъ, я окончилъ свой путь, снова вернулся къ обыденной домашней жизни. И какъ часто, когда я сижу въ креслахъ послѣ обѣда и наслаждаюсь ароматическимъ дымкомъ моей регалии, вдругъ возстаютъ предо мною цѣпи живописныхъ горъ, обросшихъ оливами, и цѣлые города со всѣми своими чудесами.

Только здѣсь, далеко отъ поэтичнаго юга, я сталъ понимать, цѣнить и чувствовать то наслажденіе, которое тогда на мѣстѣ отъ меня ускользало.

Тамъ впечатлѣніе сбивалось тотчасъ же но-

вымъ впечатлѣніемъ и не могло потому получить окончательной формы.

Если вы желаете осмотрѣть картину и оцѣнить всю ея красоту, не подходите слишкомъ близко къ ней, вы тогда увидите только одинъ уголокъ ея, конечно во всѣхъ его подробностяхъ, но вы не въ состояніи оцѣнить вполнѣ всего произведенія. Отступите на нѣсколько шаговъ и вся картина развернется передъ вами. Вы сроднитесь съ самою мыслью художника и не только оцѣните его искусство, его даръ, но какъ будто бы сами сольетесь съ его произведеніемъ и станете жить съ нимъ общею жизнью.

Теперь, по возвращеніи изъ долгаго путешествія, захотѣлось мнѣ бѣгло набросить на бумагѣ нѣкоторыя воспоминанія о немъ. Мнѣ лично это занятіе доставитъ истинное наслажденіе, а потому я принимаюсь горячо и съ любовью за него. Но если еще кто пожелаетъ слѣдовать за мною, быть такимъ образомъ моимъ спутникомъ всюду, куда бы я его ни завлекъ, — естественно, наслажденіе это удвоится.

Путешествовать одному, даже въ воспоминаніяхъ своихъ, всегда томительно, грустно; — одиночество не создано для человѣка.

II.

Москва. — Дорога.

Пасмурный ноябрь, чтобъ не отстать отъ своего близкаго брата октября, только что разгулялся; вѣтеръ, вьюга съ мелкимъ снѣгомъ, и что то въ родѣ замороженнаго дождя обливало и обсыпало нашъ Петербургъ, и, не смотря на все чувство патріотизма, мнѣ было истинно пріятно, что я устроилъ уже всѣ свои дѣла и рѣшился провести всю зиму за границею.

Зима обѣщала быть суровой, но не знаю, сдержала ли она свое обѣщаніе, — меня не было здѣсь. Пароходы уже прекратили свои еженедѣльные рейсы, да притомъ и охоты, право, не было пуститься по Балтикѣ въ такое время, при этой вьюгѣ, при такомъ вѣтрѣ, дождѣ и снѣгѣ. Я рѣшился поѣхать въ Москву и оттуда по шоссе въ Варшаву.

О Москвѣ что сказать? да и мѣста у меня не хватитъ; воспоминавія меня такъ и тянутъ на югъ; теперь даже холодно становится, когда вспомнишь прошлый ноябрь.

Москва наша, старушка добрая, тихая, она отличается уже по наружности своею тишиною и спокойствіемъ. Затѣйливо—извилистыя улицы ея всегда почти пусты, безлюдны; онѣ скромно окаймляютъ какую нибудь старинную церковь, пестрой, своеобразной архитектуры. Но эта маленькая церковь, какъ бы спрятанная въ уголку, можетъ быть, содержитъ въ себѣ богатства неистощимыя въ преданіяхъ историческихъ данныхъ. Москва знаетъ все это, она благоговѣетъ предъ этимъ памятникомъ старины, она цѣнитъ его. Но все это она дѣлаетъ спокойно у себя.

Москва занимается почти что вся археологіею, исторіею, науками, и, какъ кажется, для кабинетныхъ занятій нѣтъ лучше города въ мірѣ; — данныя историческія тутъ подъ руками и въ зданіяхъ, и въ бумагахъ, и даже въ семейныхъ преданіяхъ; тутъ и чудная мѣстность, оригинальная картина города, раскинушагося на семи холмахъ, по среди которыхъ течетъ, кокетливо изгибался, Москва рѣка. Тутъ и это спокойствіе, эта простота жизни, столь рѣдкая въ новыхъ нашихъ ледяныхъ городахъ, и столь естественно цѣнимая людьми,

которые желаютъ заниматься дѣломъ и бѣгутъ, какъ чумы пустыхъ и шумныхъ вечеровъ нашихъ, такъ называемыхъ модныхъ обществъ, въ которыхъ только и слышны постоянные толки о погодѣ, вчерашнемъ раутѣ или балѣ, или еще развѣ вскользь сказанное и ничего невыражающее сужденіе о вчерашней оперѣ, о третьегодншнемъ балетѣ.

Въ ноябрѣ 1857 года, Москва была еще довольно пуста, не всѣ еще возвратились съ дачъ своихъ, изъ подмосковныхъ. Зима еще не установилась, природа перемѣняла свою декорацію, готовилась надѣть свой бѣлый сарафанъ, который можетъ для Россіи быть справедливо названъ праздничнымъ сарафаномъ.

Я ничего не знаю скучнѣе, какъ поздняя осень; это не лѣто, уже даже не осень и въ то же время не зима. Приходится, право, чтобъ забыть это время, придумывать челоуѣку свои собственные развлеченія. Въ Москвѣ у меня въ то время было очень мало знакомыхъ; естественно оставалось одно: воспользоваться двумя-тремя днями, на которые мои дѣла останавливали меня въ Москвѣ, и пойдти покушать славной ухи въ Ново-Троицкомъ трактирѣ. За то какая уха—не хватить силъ у меня, чтобъ описать эту чудную,

жирную уху, подернутую янтаремъ, какъ говорить Крыловъ. А эти пухлые, огромные разстеган, которые занимаютъ всю тарелку!—ихъ края порыжѣли, покраснѣли отъ жара; а тутъ подлѣ блеститъ вязига, точно алмазь. Все это такъ и просится въ ротъ. Хотѣлось бы мнѣ попотчевать ими любаго француза или итальянца. Что они сказали бы? Не думаю, чтобъ ихъ пресловутыя макароны, ихъ *sauté*, ихъ *surgrême*, показались бы имъ столь же вкусными, когда они отвѣдали бы нашей доморощенной ухи, съ жирною, волжскою стерлядью, и нашего разстеган изъ Ново-Троицкаго трактира.

Дня два послѣ этого вкуснаго, русскаго обѣда, я сѣлъ въ дормезъ и пустился въ путь. Путь правду сказать, не легкій; шесть дней и шесть ночей въ дорогѣ. Я еще привыкъ нѣсколько къ дорогѣ; но со мною была жена и нѣсколько лицъ, которыя никогда не выѣзжали изъ Петербурга.

А дорога изъ Москвы хотъ кого научить путешествовать; послѣ этого можно смѣло ѣхать вокругъ свѣта, — не устанешь, все покажется бездѣлицей, сравнительно съ этимъ проѣздомъ! Направо, налево, какъ внимательно ни смотрите въ окна, ничего болѣе не увидите, какъ поле и поле, и то необработанное, незасѣянное ча-

сто. Словно нарочно выбирали такую мѣстность, чтобъ провести дорогу: ни одного села, ни города, ни деревни, только верста да верста, да скучныя одноформенныя станціи, — но лучше и не вспоминать объ этомъ пути.

III.

ВѢНА.

Я пишу свои воспоминанія, а не журналъ моего путешествія, и потому мнѣ позволено перескакивать чрезъ города, государства, народы и останавливаться только тамъ, гдѣ удержитъ меня неволью моя мысль. Радуюсь я этому праву,—радуюсь за себя и даже за васъ, любезные читатели, потому что, мнѣ кажется, нѣтъ ничего скучнѣе этихъ пустыхъ, непрочувствованныхъ хорошо описаній разныхъ городовъ, мѣстностей, преимущественно выбранныхъ изъ какого нибудь путеводителя, къ которымъ невольно прибѣгаешь въ такомъ случаѣ отъ недостатка занимательныхъ данныхъ. Скучно, томительно вамъ все это читать; но еще скучнѣе, мнѣ кажется, все это выписывать.

ВѢна очень хорошенькій городокъ; она чрезъ-